

НАША СТРАНА

Год издания—53-й. Буэнос Айрес, суббота 28 октября 2000

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sabado 28 de octubre de 2000 N° 2619-2620

МИРАЖИ СОВРЕМЕННОСТИ

ТЕНЬ ЛОЛИТЫ

Писатель Сирин пользовался в русской эмиграции значительным успехом, печатался в престижных "Современных Записках". Но он своих читателей презирал и старался всячески их эпатировать.

Главное же, ему, как и любому талантливому человеку, было тесно и скучно в пределах эмигрантского гетто. Притом, — вопрос не без важности, — заработка ему его произведения приносили ничтожный.

Отсюда его решение стать англоязычным (собственно говоря, американским) писателем. Элитарное образование давало к тому возможность: английским он с детства владел.

Но как завоевать смаху известность? Чем поразить иностранную публику? Надо было придумать что-нибудь громко скандальное.

А оно не легко! В обществе, где все пороки, вплоть до самых чудовищных стали обычными и даже прикрытыми законом (вплоть до браков мужчин с мужчинами и женщин с женщинами).

Единственное, Бог весть почему сохранившееся табу оставалось наложено на сношения с несовершеннолетними.

Здесь однако мы вступаем на почву довольно-таки зыбкую. Не будем говорить о востоке, о возрасте Джульетты или Беатриче. Но вот, например, не в столь уж отдаленные времена матери Гоголя и Короленко обе вышли замуж в 13 лет. А умершей до свадьбы невесте Новалисы было и того меньше (он навеки сохранил о ней память и верность ей).

Так что, в других условиях, персонаж Набокова (имя, которым стал Сирин отныне пользоваться) мог бы благополучно жениться на Лолите, с согласия ее и ее родителей.

Как справедливо заметил один из американских критиков, если бы Лолита его любила, то вся история превратилась бы в идиллию, вместо трагедии (или, собственно говоря, темной уголовной драмы).

Если вдуматься, материал для несчастья заключен в книге не столько в разнице возраста, сколько в самом характере любви набоковского героя; чисто плотской, лишенной какой-либо духовности или душевности. Положим, Лолита, как она нам изображена, подобных чувств бы и не заслуживала; но он мог бы, по крайней мере, ее жалеть, — а отсюда уже до чувств более высокого порядка один шаг.

Любовь же (если можно тут подобное слово употреблять!) низменная, животная, как ска-

зал бы Достоевский и **насекомая**, вообще не возвышает, а принижает, что тем более понятно у высоко интеллигентного персонажа как Гумберт в "Лолите".

Пылай он подобной страстью ко вполне взрослой женщине, — результаты легко могли бы оказаться те же: преступление и гибель...

Но вот, нехитрый расчет писателя целиком оправдался: он сразу завоевал известность (хотя и низкопробную) и богатство.

Дальнейшие его романы

уже автоматически расценивались как шедевры (хотя ни один такой популярности как первый не имел; Набоков остался для публики автором "Лолиты", как Даниэль Дефо автором "Робинзона Крузо" или Сервантес автором "Дон Кихота").

Их по инерции читают, о них вроде бы говорят, — но кто, честно говоря, их помнит, и на кого они оказали сколько-либо серьезное влияние?

Возможно, дутая слава Набокова будет в конце концов пересмотрена. Пока же длится, — не стоит ей завидовать! По

крайней мере, тем писателям, у кого есть что сказать.

4/3 ПРЕДАТЕЛЬСТВА

В "Новом Мире" № 2 от с. г., под заглавием "Мы не жалеем о пройденном пути", А. Горянин прямо-таки растекается от умиления и восторга по поводу книги репатриантки-совпатриотки Н. Кривошеиной "Четыре трети нашей жизни".

Прочитываем с горечью и с иронией следующий пассаж из его статьи: "А тут еще реэмигранты вроде Н. А. Кривошеиной. Как к ним тянулись! в 50-е еще с большой опаской, но тянулись. Ведь они являли собой живое доказательство того, что существует другой мир, не просто чужая и чуждая граница, а некоторая параллельная Россия, населенная русскими — но при этом, как ни удивительно, свободными людьми".

Иными словами, в них видели представителей белой эмиграции, — а они были, на самом деле, ее предателями, отверженцами, внушавшими нам глубокое отвращение.

Люди, которые преследовали доносами и клеветой Шмелева, которым теперь зачитывается Россия, и Сургучева, которого в ней, наверно, тоже скоро будут читать (и которые немало приблизили несомненно смерть обоим...).

Люди, которые активно сотрудничали с чекистами в деле поимки и выдачи новых эмигрантов (за что им, правда, хорошо платили...).

К которым французские власти долго были снисходительны, пока не обнаружилось их усердное участие в советском шпионаже.

На родине они ждали важных постов и привилегий (еще бы! такие заслуги перед сталинским правительством!), а получили, в лучшем случае, столь же суровую жизнь, как и рядовые советские граждане. А то и концлагеря, куда столь усердно загоняли прежде несчастных своих соотечественников.

Им не понравилось. Иным (немногим) удалось, как семье Кривошеиных, вернуться в Париж, используя солидные масонские связи.

А в СССР они позировали как герои и мученики! И сумели (насмешка судьбы!) обмануть не только рядовых, серых обывателей, но даже людей как Солженицын.

Все говорят, нет правды на земле.

Как не вспомнить эти слова, читая восхищенные похвалы Горянина по адресу преступных ренегатов, забрызганных кровью и слезами их жертв...

ЕЛИЗАВЕТА ВЕДЕНЕВА

РУКОВОДСТВО МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

После декларации митрополита Сергия (Страгородского) в 1927 году, Русская Православная Церковь перестала быть "Церковью" — Телом Христовым, а превратилась в пропагандистский отдел КГБ и ЦК КПСС. Ко Второй Мировой войне Церковь была фактически уничтожена, но в сентябре 1943 года была восстановлена по приказу Иосифа Сталина, который в то время усиленно пытался использовать русский патриотизм и русские традиции, включая церковные, чтобы выиграть войну. При назначении митрополита Сергия на пост "Патриарха Всея Руси", Сталин совершенно недвусмысленно дал ему понять, что тот будет находиться в полном подчинении советской власти. На той же встрече, где было принято решение о восстановлении церкви, Сталин дал митрополиту Сергию в надсмотрщики "Совет по делам Русской Православной Церкви", возглавленный энкаведистом Георгием Карповым, бывшим начальником отдела НКВД по уничтожению православия в СССР. При этом Сталин "успокоил" присутствующих митрополитов, сказав, что Карпов — человек исполнительный. Когда ему приказывали уничтожать священников — он их уничтожал; а теперь, когда приказывают их охранять — он их будет охранять!

Не вдаваясь в подробности, Русская Православная Церковь в СССР или, как она начала именоваться, "Московская Патриархия", МП, просуществовала в качестве пропагандистского отдела КГБ и ЦК КПСС с 1927 до 1991 года, когда и КГБ и ЦК КПСС были закрыты. С этого времени МП стала управляться самостоятельно, но... епископатом, **назначенным** сотрудниками КГБ и ЦК КПСС времен Брежнев-Андропова-Горбачева! По меткому определению, возникшему тогда в России, "МП стала единственным уцелевшим отделом КГБ".

Потеряв хозяина, МП в начале 1990-х годов действовала робко и неуверенно. Однако, время шло. В образовавшейся Российской Федерации ("РФ") никто и не думал отдавать под суд бывших членов партии и других, совершивших разные преступления и участвовавших в геноциде русского народа. Наоборот, к 1996 году коммунистическая партия РФ под руководством бывшего "инструктора" ЦК КПСС Зюганова, получила на общих выборах около трети голосов. Другие члены советской номенклатуры просто перекрасились и заняли соответствующие высокие посты в рядах руководства "новой России" — РФ.

Видя, что никакой расплаты за их антинародную деятельность их не ожидает, руководство МП осмелело и тоже решило действовать "по-зюгановски". В частности, именно в это время начались насильственные и "юридические" попытки захватить имущество Русской Православной Церкви Заграницей во всем мире (у себя "дома", в РФ, нападения на РПЦЗ происходили все время). Тут и Хеврон и Иерихон в Святой Земле, тут и Бари в Италии, тут и Оттава в Канаде, тут и Копенгаген в Дании. В данный момент МП, через МИД РФ, пытается добиться пересмотра немецкого закона 1938 года о передаче русских церквей в Германии во владение РПЦЗ.

П. Н. БУДЗИЛОВИЧ

(Из доклада на Архиерейском Соборе Русской Зарубежной Церкви 20 октября 2000 года в Нью Йорке, США)

ПЕЧАТЬ

НОВОЕ О ПУШКИНЕ

Выпишем абзац из статьи В. Козака, “Христианские мотивы у А. С. Пушкина” в “Новом Журнале” № 218: “На возможный политический смысл “Пророка” — благодарность императору за вызволение из ссылки — указывает Леонид Аринштейн (1998), в качестве основного довода в пользу догадки на дату, проставленную Пушкиным под стихотворением: это не тот день, когда были написаны стихи, а день, когда царь вызвал его для беседы и объявил, что дарует ему свободу; 8 сентября 1826 года”.

Предположение вполне вероятное. Но как оно расходится с обычной советской интерпретацией о ненависти якобы поэта к царю Николаю Первому!

МЕРЗОСТЬ

Из статьи И. Сурат “Пушкинский юбилей как заклинание истории” мы узнаем о позорных, безобразных вещах, творящихся в Эрефии: “Яркий образец альтернативного Пушкина дан в фильме Александра Гордона из цикла “Собрание заблуждений”, показанное на ОРТ 17 июня: история гибели поэта в нем представлена по-новому, в свете свежей догадки о его гомосексуальных наклонностях и не сложившихся соответствующих отношений с Геккерном. Добро бы это было в шутку — но нет, больше всего фильм раздражает своей невыносимо претенциозной серьезностью и глубокомыслием. Уж не знаю, что лучше — официальный медный Пушкин или гордонецкий голубой. Оба хуже”.

Согласимся с И. Сурат. Но, пожалуй, такой новый Пушкин все же хуже прежнего! Поскольку совсем уж лжив и фальшив. Кто читал письма и дневники поэта, знает с какою насмешкой он отзывался о Вигеле, с каким отвращением о Сухозанете. Какие бы ему ни приписывать недостатки, а этот порок был ему абсолютно чужд.

ГЛАЗАМИ АНГЛОСАКСОВ

В “Русской Мысли” от 14 сентября с. г. С. Князев, рецензируя московский журнал “Интеллектуальный Форум” комментирует: “Будто бы смотреть на мир кроме как взглядом англосакса либо (очень сильно прищурясь) русского и невозможно”.

Насчет прищурения не знаем; а вот что теперешняя левая интеллигенция Эрефии иначе как через англосаксонские очки

на мир смотреть не умеет, — сие есть грустный факт.

ГНИЛОЕ ЯБЛОКО

В алмаатинском журнале “Простор” (№ 2 за 1999 год), сын парижского репатрианта Ю. Софиева выступает со статьей под глупым и претенциозным названием “Vivat, Франция!” (зачем же смешивать латынь с русским, вовсе вне темы? естественно было бы сказать “Vive la France!” или уж “Да здравствует Франция!”).

Содержание — очень пакостное. Согласно поговорке “Яблоко от яблони недалеко падает”, сын ренегата позорит русскую эмиграцию, и его отрицательные оценки тем поганее, что высказываются в елейном псевдокорректном тоне.

Суть их вот в чем:

“Играла ли эмиграция какую-то значительную роль в борьбе с большевизмом в СССР? Мне кажется, что нет. Действий... никаких не было, да и не могло быть”.

Дальше доказывается, что и теперь эмиграция не может оказать какое-либо влияние на события в бывшем СССР, и что там, во всяком случае, не так было вообще и плохо, — и вообще проповедуются всякие мерзости.

Вы лжете, товарищ Софиев!

ЗЛОВЕЩИЕ ПРЕДСКАЗАНИЯ

Никак не можем согласиться с А. Ивановым (статья “Бесплотный “русский дух” “ в “Вече” № 65 от с. г.):

“На этот раз России не выкарабкаться. Государство именуемое ныне Российской Федерацией, перестанет существовать. На его месте возникнет новое государство, гораздо меньших размеров, или, скорее, несколько государств, которые будут иметь с исторической Россией не больше общего, чем нынешняя Греция с древней Грецией или Византией, нынешний Иран — с древней персидской империей или латиноамериканские республики — с испанской империей”.

Ни с его сравнениями России с 70-летним больным, в которых отчетливо чувствуется ехидное злорадство.

Разбирать научнообразные, но на деле фальшивые или поверхностные рассуждения, коими он подкрепляет свои построения, нам неохота, — заняло бы зря слишком много места.

Не постыдимся причислить себя к “некоторым”, о ком г-н Иванов говорит с глубоким презрением, которые “тешат себя иллюзиями: переживала дескать Россия и раньше смутные времена”.

Россия выходит (и последнее время все отчетливее) из тяжелой болезни, носившей имя “большевизм”.

А считать ее более старой (и

потому осужденной на близкую смерть) чем другие народы Европы или Азии, — есть идея новая, за которую автор статьи в “Вече” несет он один, всю ответственность.

ПУСТОМЕЛЯ

В “Новом Русском Слове” от 17 июня с. г., в эссе “Продырявленный документ”, В. Соловьев пользуется рассказами Ю. Тынянова, который был писатель хоть и советский, но талантливый и эрудированный (“Поручик Киж”, “Восковая персона”, “Малолетний Витушишников”), для злобных глумливых нападок на российских монархов: Петра Великого, Екатерину Великую, Павла Первого, Александра Первого и Николая Первого.

Но если они были, как он полагает, вовсе плохи и никуда не годились, отчего же получилось, что Россия при них стремительно расширяла свои пределы и все более становилась могучим европейским государством, которого враги боялись и связь с которым друзья высоко ценили?

Не будем уже говорить о том, что именно тогда зарождалась и развивалась великая русская литература.

Тогда как республика, будь то февральская или нынешняя, неизменно означала на нашей родине распад и развал, унижения и несчастья.

А уж о том, что такое представлял собой большевизм, — надо ли объяснять г-ну Соловьеву? Те ужасы, какие при нем пережил наш народ, он никогда до того не испытывал!

ПРОДАЖНОЕ ПЕРО

В той же газете, от 24 июня, Б. Езерская, в статье “За воротами гаража” очень высоко оценивает творчество В. Катаева и приписывает ему “сильную ненависть к советской власти”.

Однако, она честно замечает: “Хотя бытует и другое мнение: никаких иллюзий по поводу революции он и смолodu не питал, расчетливо поставив свое талантливое перо на службу господствующей, глубоко ненавистной ему идее”.

Как ни грустно, а полагаем, что именно так оно и было. А существовало ли у писателя хотя бы и кратковременное “романтическое видение революции”, — сие весьма гадательно.

Дальше же он советской власти служил, с большою для себя выгодой. И если и впрямь ее ненавидел, то о том помалкивал. Опять таки, не будем спорить, не исключено, что такое чувство в его сочинениях все же порою прорывалось.

НЕ УНЫВАЙ!

“Предтеченский Листок” № 89 воспроизводит старые стихи С. Бехтеева “Не унывай, не падай духом”. Прочитываем оттуда следующие строфы:

И снова наш отец державный
На прародительский свой трон
Взойдет, как встарь,
самодержавный,
Сынов сзывая на поклон.

Дай Бог чтобы это предсказание сбылось! Давно бы пора; но, как гласит народная мудрость, “Бог правду видит, да не скоро скажет”.

ПРЕСТУПНЫЙ РЕЖИМ

Там же перепечатано из московского “Дворянского Вестника” (№ 5-6) сообщение о том, что парламент Болгарии принял законопроект провозглашающий “преступный характер” коммунистического режима, установившегося в стране вскоре после Второй Мировой войны. Депутаты от болгарских социалистов, политических наследников коммунистов, пытались заблокировать законопроект, но им это не удалось. В знак протеста они покинули зал.

“Дворянский Вестник” комментирует: “Когда-то Конституционный Суд РФ не решился принять такое же решение. Но вернуться к этому вопросу и сейчас не поздно. Почему бы нашей Государственной Думе не взять пример с коллег из Болгарского Народного Собрания? Это было бы эпохальное событие. Bon courage, messieurs!”

Впрочем, как бы там его не называть, режим-то был подлинно и бесспорно преступным! Что в Болгарии, что в России, что во всяких иных местах.

ЧЕРНЫЙ ЮМОР СТАЛИНА

В номерах от 15 и 18 сентября “Нового Русского Слова”, Г. Боровик вспоминает ряд эпизодов из деятельности великого вождя народов Иосифа Виссарионовича, показывающих, что он любил пошутить, — но часто зловещим образом.

Довольно широко известны его слова Рокоссовскому, вызванному из тюрьмы, когда понадобился на фронте: “Нашел время сидеть!”

Боровик удивляется другому случаю, — когда журналиста М. Кольцова арестовали сразу после доклада, прочитанного перед известными писателями и перед самим Сталиным, с разбором, наказанным ему, “Краткого курса истории ВКП(б)”. Фарс был подстроен, конечно, презабавный! Добавим только от себя, что Кольцов, автор “Испанского дневника”, являлся, несомненно, прожженным мерзавцем и плакать над его могилой (его расстреляли) не стоит никак.

Боровик приводит еще несколько примеров в том же роде, иллюстрирующих развлечение тирана. Как выражалась Ахматова: “Игры, в которые играют тигры”.

В. Р.

БИБЛИОГРАФИЯ

М. Юденич. “Сент-Женевьев-де Буа” (Москва, 1999).

Несмотря на общее безумие, творящееся в нынешней России, налицо и некоторые положительные явления, в частности в сфере литературы.

Возродился детективный жанр; а читателям, безусловно, куда интереснее, да и полезнее, читать увлекательные романы А. Марининой и сходных с нею авторов, чем чернуху и порнуху, льющуюся густым потоком из-под перьев Т. Толстой, Е. Медведевой и иже с ними, и всяческие перлы другой прозы или шедевров постмодернизма.

Сейчас мы присутствуем при появлении первых ласточек другого еще жанра, мистических или фантастических (менее удачный термин) произведений изящной словесности, некогда богато и блистательно представленных в России (как, скажем, “Пиковая дама” Пушкина, “Штоссом” Лермонтова, “Портретом” Гоголя).

Разбираемый ниже роман Марины Юденич является весьма удачным образцом в этой области, образцом того, что в англосаксонской беллетристике именуют *different story*.

Жуткое, загадочное и авантюрное содержание, при отличном изложении, как с точки зрения языка, так и стиля.

При этом — трезвый взгляд, согласно коему для писательницы большевики предстают как воплощение на земле сатанизма и орудия сил зла.

За приключениями героев в Париже, в Москве и на Кавказе следишь, почти буквально, затаив дыхание.

Действие переносит нас в разные периоды, — в основном оно в современности, но возникает и предыстория в дореволюционной России.

Если уж очень придираешься, — логика не вполне выдержана в конце, где рассказывается о вселении Дьявола в человека, имеющего одинаковые свойства и характер в разных поколениях; а именно в данном роде сочинений необходима строгая и нерушимая концепция, — картина иной, но убедительной реальности.

Отметим с удовлетворением название книги: авось оно положит конец бредовым начертаниям, столь часто мозолящим нам глаза, вроде Сан Женевьев, Сен Женевьев или Сент Женевьев дю Буа. Хотя мы упразднили бы вовсе никчемные дефисы, соединяющие части данного топонима и написали бы просто Сент Женевьев де Буа.

О. Колобов, А. Корнилов, И. Шамин “Проблемы войны и мира в XX веке. Том III (Нижний Новгород 1998).

Это — книга о страшных годах и о страшных делах. Мы, кто выжил (а это не легко давалось) когда о них вспоминаем, — кровь леденеет в жилах.

Демократические державы, и главное Англия и США (Франция в данных акциях участвовала, в целом, вяло и неохотно) покрыли себя несмываемым вечным позором, передав в руки чекистов самые драгоценные элементы русского народа и других народов России, послав на муки и смерть в страданиях цвет нашей нации.

Поезда, шедшие на восток, вагоны залитые кровью... люди, резавшие себе вены, передавая один другому спрятанную бритву... выбрасывались в пропасть, если удавалось приоткрыть двери...

Ужас поражал солдат союзной армии, кому выпадала темная доля палачей, сопровождавших поездку самоубийц и обреченных, обезумевших смертников.

А расправы в лагерях представляли собою кошмар, который, верно, не забудут ни жертвы, кто уцелел, ни те, кто их выволакивал из барачных и, часто оглушив ударом приклада, кидал в грузовики или теплушки для отправки в лапы большевикам.

Составители собрали ценную (хотя безусловно далеко не полную) документацию о выдачах 1945-1947 годов (выдавали, высылали в СССР и позже... многих...), перечисляя наиболее чудовищные: Лиенц, Форт Дикс в США, Кемптен, Дахау, Платлинг, Бад Эйблинг, Римини.

Тут и воспоминания спасшихся, и отчеты, приказы, прошения, отражающие усилия хлопотавших за них людей, в том числе из рядов русского духовенства и из различных кругов эмиграции.

Жаль, что нельзя взять интервью у одного из участников в организации выдач в Италии, ревностно помогавшего англичанам в их черной работе, — русского Иуду, живущего поныне в богатстве на покое, огражденного от каких-либо бед, хотя имя его и деятельность не секрет среди антикоммунистов Зарубежья.

Разбираемый сборник составлен, в целом, в объективном и правдивом тоне, хотя его и портят порою советские клише, нестерпимые как скрипение пальцем по стеклу. Например, нелепая формула о “предателях, ради выживания пошедших на сотрудничество с немецкими войсками”, из которых якобы вербовались восточные батальоны вермахта.

Даже Солженицын отмечал уже, что корни сдачи, перебега и активной борьбы против Советов

уходили в акции коллективизации, раскулачивания, “большого террора” и удушения интеллигенции.

“Выживание” и шкурные интересы могли играть роль разве что в отдельных, редких случаях.

Странно звучит и следующий пассаж: “Западные союзники честно и последовательно выполняли принятые перед СССР обязательства в отношении перемещенных лиц советского подданства”.

Хороша честность! Честность вроде честности Сатаны, — который, говорят, аккуратно соблюдает условия договора с теми, кто ему продал душу!..

Нерезонно и рассуждение о том, что будто бы Запад не мог принять и расселить многомиллионную массу не желавших возвращаться на родину бывших жителей Советского Союза.

Известно, например, что Бразилия предлагала их целиком принять, — да ее не стали слушать.

Масса эта состояла, в основном, из здоровой молодежи, главным образом мужской, но отчасти и женской, из всех классов общества, в значительной мере крестьян, — такие кадры Южная и Северная Америка, да немало и других стран могли принять с немалой для себя выгодой.

Но не будем придирается к мелочам. Тем более, что факты и документы, содержащиеся в книге, ставят вещи на свое место, и всякий разумный читатель сам сумеет сделать из них выводы.

Добавим только, что мы, новые эмигранты, и потом долгие годы жили под угрозой выдачи; многие были навсегда морально раздавлены пережитым ужасом. Эпизодические выдачи производились до самых последних дней; готовились даже и массовые (затрагивая притом тех, кого раньше не выдавали: балтийцев, западных украинцев и белоруссов). По счастью, перестройка, а затем и развал Империи Зла положили им конец.

Вторая половина сборника посвящена преследованиям евреев в Германии и странах, оказавшихся под ее влиянием. Вещи не менее ужасные. Но о них на Западе, да и по всему миру, громко и непрерывно говорится с самого конца войны.

Злодеяния побежденной Германии скрывать не за чем. А вот о преступлениях демократических союзников, — о них молчали пока было возможно, и когда молчание пришлось-таки прервать, и по сей день говорят мало и с осторожностью.

Поэтому будем благодарны авторам “Проблем войны и мира в XX веке”, которые рассказывают хотя бы часть правды, — надо полагать, малодоступной притом даже и в “бывшем СССР” (пока СССР существовал в настоящем, правда была там, понятно, недоступна и вовсе).

М. Ахманов. “Скифы пируют на закате” (Москва, 2000).

Расцвет научно-фантастической литературы относится к концу XIX и началу XX века. Жюль Верн и Герберт Уэлс во многом предугадывали научные открытия; и хотя они рисовали порою жуткие последствия грядущих достижений, в основном в то время можно было еще верить в прогресс и в принимаемое научными исследованиями добро.

Их наследники не могли уж их превзойти. Правда, завоевание космоса породило множество рассказов и романов, изображающих жизнь на других планетах, но постепенно эта тема сделалась более или менее монотонной и перестала всерьез увлекать публику.

В советской литературе фантастика была удушена. Талантливые произведения Беляева и некоторых его современников в 20-е годы чем-то не устраивали большевиков. Потом, после долгого перерыва, явились новые специалисты вроде братьев Стругацких, но их сочинения не достигали очень-то высокого уровня.

Теперь мы видим новую попытку в данном жанре. Диалогия Ахманова, “Скифы пируют на закате” и “Странник, пришедший издалека”, стоит на грани научно-популярного вида и того, что можно бы называть чистой фантазией, приближающейся порой к мистицизму.

Его персонажи перенесутся куда-то на иные планеты, то ли наяву, то ли во сне, с помощью экстрасенсов, наделенных загадочными, необъяснимыми способностями. Другая линия, всплывающая в этих романах, — появление на земле зловредных пришельцев из иных созвездий, стремящихся завладеть нашей Землей.

Повествование напоминает порою Э. Р. Бэрроуза из серии приключений на Марсе (“Дочь тысячи джедаков”, “Тувия”) или А. Меррита, с налетом страшного, приближающегося к мифам, созданным Ловкрафтом.

Придирается, впрочем, не стоит; автор сам говорит, что его цель — развлечь читателя. И этой цели он вполне достигает.

Скажем однако, что нам больше нравится грузинский князь Джамаль Саакадзе пока он не превратился в посланца таинственной планеты Телг, и нас больше увлекают странствия в стране амазонок Амм Хаммат чем менее правдоподобные победы героев над чудовищными сархами.

Но уж тут, как говорится, о вкусах не спорят!

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

Р. ПОЛЧАНИНОВ

ДВАДЦАТЫЙ ГОД — ПРОЩАЙ РОССИЯ

Под этим названием недавно в Москве вышел сборник стихов, в который вошло и произведение в прозе “Конец Суворова” казачьего историка, поэта и общественного деятеля Николая Николаевича Туроверова (1899-1972), приуроченный к столетию со дня его рождения.*)

Издание осуществлено в рамках программы “Развитие и сохранение культуры и искусства РФ”, при содействии Альфа-Банка и газеты “Аргументы и Факты”. Обращение “К читателям” принадлежит президенту Фонда Никите Сергеевичу Михалкову (р. 1945), народному артисту и кинорежиссеру, предисловие — составителю сборника Виктору Владимировичу Леонидову (р. 1959), заведующему библиотекой-архивом Российского Фонда Культуры в Москве.

В. В. Леонидов окончил в 1981 году Московский Государственный Историко-Архивный Институт. После службы в армии, в 1990 году защитил диссертацию и получил степень кандидата исторических наук. Подготовил к изданию четыре книги поэтов эмиграции, в том числе сборник стихов и прозы Ивана Савина (1899-1927) — “Мой белый витязь...” и опубликовал более двухсот статей, посвященных проблемам истории Русского Зарубежья. “Двадцатый год — прощай Россия” — его пятая книга.

Название взято из слов стихотворения Н. Н. Туроверова: “Мы шли в сухой и пыльной мгле”, которое кончается словами: “И в этот день в Чуфут-

*) Н. Туроверов, Двадцатый год — прощай Россия, М., 2000, изд. Российский Фонд Культуры, 304 стр., илл., тираж 3000.

кале, / Сорвав бессмертники сухие, / Я выцарапал на скале: / Двадцатый год — прощай Россия!”

Для В. В. Леонидова это уже вторая книга, посвященная стихам Н. Н. Туроверова. Первая вышла в Москве в 1995 году тоже в издании Российского Фонда Культуры, совместно с Домом-Музеем Марины Цветаевой и издательством “Изограф”. В 1999 году в России была выпущена еще одна книга стихов Н. Н. Туроверова под названием “Храня бессмертники сухие”. Издал ее в Ростове на Дону историк казачества К. Н. Хохульников, так как Н. Н. Туроверов был донским казаком станицы Старочеркасской.

Одни литературоведы находят у Туроверова что-то общее с Есениным, другие с Буниным. Возможно, что один и другой могли оказать какое-то влияние, но сам Туроверов считал себя учеником Гумилева. Об этом он прямо сказал в одном своем стихотворении:

Учился у Гумилева
На все смотреть свысока,
Не бояться честного слова...

Но у Туроверова есть что-то общее и с Савиным. И один и другой служили в Белой Армии, воспевали белых воинов и пользовались несравненно большей любовью и уважением у белых, чем кто-либо из их собратьев по перу. Когда началась “перестройка”, он вернулся на родину одним из первых своими стихами. В журнале “Русская Литература” № 4/1989 года была напечатана известным библиографом Пушкинского Дома А. Д. Алексеевым большая подборка стихов Туроверова с соответствующим предисловием.

Одним из наиболее лю-

бимых стихотворений у белых воинов считалось стихотворение Николая Туроверова, которое и сейчас нельзя читать без слез:

Уходили мы из Крыма
Среди дыма и огня;
Я с кормы все время мимо
В своего стрелял коня.

А он плыл изнемогая
За высокою кормой,
Все не веря, все не зная,
Что прощается со мной...

Это стихотворение дает право Туроверову войти в любые зарубежные антологии поэзии, даже если бы он больше стихов и не писал.

Но Господь хранил Туроверова и в годы Первой Мировой войны, и в Гражданскую войну и в полные опасностей годы службы во французском Иностранном Легионе во время Второй Мировой войны. У Туроверова нет слабых стихотворений. Замечателен он и в прозе.

В сборник “Двадцатый год — прощай Россия!” вошло только одно произведение Туроверова в прозе — “Конец Суворова”, но Туроверов не только поэт, но и историк-прозаик. Его статьи, главным образом по истории казачества, печатались во многих казачьих журналах.

В 1946 году Туроверов вступил в “Кружок любителей русской военной старины” в Париже, но не думаю, чтобы он был его основателем. Впрочем, это и не столь важно. Как писал С. Сучков в “Русской Мысли”, (Париж 22.9.99): “В 40-е годы (...) он — председатель парижского Казачьего Союза, который возглавлял 11 лет, с 1947 года. Туроверов создал кружок казаков-литераторов (...) музей Лейб-Гвардии Атаманского полка. Он органи-

зовал выставки “1812 год”, “Казачи”, “Суворов”. Этот список его общественной деятельности можно было бы продолжить.

В обращении “К читателям” Н. С. Михалков пишет: “Светлой памяти Ирины Ивановны Туроверовой мы посвящаем эту книгу”, а в “Предисловии” В. В. Леонидов рассказывает нам, кто такая И. И. Туроверова и в чем ее заслуга в создании этого сборника. Под Парижем В. В. Леонидов имел возможность посетить И. И. Туроверову, которая “знала (Н. Н. Туроверова) с детских лет, когда он с красавицей женой Юлией Александровной приезжал к ее отцу, полковнику Попову (...). Никому и в голову не могло придти, что маленькая Ирина станет в последствии женой младшего брата Туроверова Александра. Давно уже нет на свете ни Николая Николаевича, ни Александра, а я держу в руках письма поэта юной Ирине, тогда еще Поповой, листаю автографы Туроверова, сохраненные этой женщиной, для которой Россия и русская поэзия значили все (...) Ирина Ивановна очень ждала издание сборника, торопила с работой, хотела организовать торжественное представление книги в Москве. Она как будто предчувствовала, что ей очень мало осталось жить. Книга была уже в производстве, когда мы узнали о неожиданной кончине Ирины Ивановны. Сборник стихов поэта, которого она так любила, и наследие которого берегла, будет светлой памятью о ней”.

Борьба с красными в России еще не закончена, и не важно где скончался и где похоронен Николай Николаевич, главное, что донской казак и белый воин снова в России.

Р. ПОЛЧАНИНОВ

Языковые уродства

ДЖАМАЙКА И ТЕНЕРИФЕ

Превосходный детективный роман П. Дашковой “Место под солнцем” (Москва, 2000) несколько портят встречающиеся в нем весьма странные географические наименования.

Так, на странице 138, читаем: “Это только на далеком острове Джамайка черные шаманы оживляют мертвецов”.

Этот остров всегда по русски назывался Ямайка. Откуда сочетание ямайский ром и заглавие романа Майн Рида “Ямайские мароны”, несколько раз перепечатывавшегося в России, в том числе уже и в советское время.

Тогда как на стр. 298 сообщается: “В Испании, на Канарах есть остров Тенерифе”.

Согласно русской традиции,

на всех географических картах и во множестве книг — учебников географии, описаниях путешествий, романах, — имя этого острова Тенериф. Неужели теперь это, каким-либо декретом, переименовали? По испански-то, да, Тенерифе; но Россия, полагаем, имела право пользоваться своей формой произношения.

Что до аэропорта на Тенерифе, он, надо думать, вопреки Дашковой, называется Рейна София, а не Рьена София. Поскольку *reina* по испански это “королева”, а слово *reina* вроде бы не существует.

Жаль, право, что теперь в Эрефии видимо считают, как считал Митрофанушка в “Недоросле”, что географию нужно знать только извозчиком!

РАЗЖАЛОВАНИЕ МОНАРХОВ

При всей серости и неграмотности лиц и учреждений, кои в нынешней архинесчастной Эрефии управляют русским языком,

при всей нелепости их вреднейших декретов, — не думаем, чтобы они были ответственны за идиотское нововведение, укрепившееся сейчас не только в “бывшем СССР”, но даже и в русском Зарубежии.

Всегда, в том числе и при советском режиме до недавнего времени, имена западных королей писались по строго определенным правилам. Английские, в частности, именовались так:

Иаков; Карл; Вильгельм; Георг; Эдвард.

Теперь они превратились в нечто вовсе иное: Джеймс (сперва-то Иаков заменился Яковом; но на этом не остановились), Чарльз (а то и Чарлз), Уильям, Джордж — и тому подобное.

Как и почему сие произошло?

Да вот почему. Советские образованцы, в отличие от интеллигенции и сколько-то с нею связанных кругов, истории западных стран не изучали; соответствующих учебников по русски никогда не читали. Не чита-

ли они также романов Вальтер Скотта, Дюма, Стивенсона, — а про других писателей в данном жанре даже и не слыхивали.

Зато их малость поднатаскали в английском языке, — напирая на фонетику и фонетическую транскрипцию.

Поэтому, весьма натурально, видя в газете или в популярном журнале имена как James или Charles, они их и передают согласно произношению имен заурядных англичан и американцев, которое указано в школьных пособиях элементарного уровня.

А что это есть подрыв русской культуры, им, понятно, невдомек. Грустно, что редакторы зарубежной прессы тоже настолько одичали, что с этим мирятся.

При том, это лишь одна из деталей идущего в наши дни стремительного падения все глубже вниз образовательного уровня нашего народа; особенно в лице высшего его слоя.

Аркадий Рахманов

“НОВЫЙ МИР“ № 5 ЗА 2000 ГОД

С литературной частью в журнале дело швах. Новеллы Ю. Буйды под общим названием “У кошки 9 смертей” оставляют тягостное впечатление; и тем более от того, что автор не лишен таланта. Сюжеты у него патологические, персонажи отталкивающие; повествование все время на грани бреда. В рассказе “Чужая кость”, — одном из наиболее выжатых, — советский офицер в оккупированной Германии убивает молодую немку, вполне бессмысленно и ненужно; причем автор явно сочувствует его отвратительному поступку. Читателю трудно с ним солидаризоваться. В других историях действующие лица, более или менее все, явно не вполне нормальны.

О “Русской коллекции” В. Тучкова говорить не стоит. Ее можно охарактеризовать словом **галиматья**; и добавим, что очень скучная. В этом номере, как и в других, много стихов. Но хороших среди них не попадает.

Лучшее (и, пожалуй, единственно ценное) тут — “Вокруг Ордынки” о. Михаила Ардова. Он нам просто и безыскусственно рассказывает о встречах с известными людьми из мира артистов и писателей — с И. Ильинским, с Л. Утесовым.

Выпишем его отзыв о В. Катаеве, по поводу выступления того против А. Солженицына.

“Если кто-нибудь из советских писателей может совершенно искренне ненавидеть Солженицына, то это именно Валентин Катаев. Он всегда исповедовал совершенно ясные принципы: писать надо очень хорошо, с властями надо дружить, а жить надо со всей возможной роскошью и

удобствами. И все это Катаев блистательно воплотил: пишет он как никто, эдакий “социалистический Набоков”, у него гигантские тиражи и очень высокие гонорары; у него огромная квартира в Москве, и она обставлена антикварной мебелью; он живет в прекрасном загородном доме; у него есть автомобиль и собственный шофер... Наконец, ему позволяют бывать за границей и даже зарабатывать там какие-то деньги... И вдруг появляется писатель, жизнь которого шла вопреки всем принципам Катаева: он по глупейшей неосторожности попадает в тюрьму, потом в ссылку, работает школьным учителем, нищенствует... Да и пишет-то он, с точки зрения Катаева, плоховато... А вот поди ж ты — именно этому человеку достается Нобелевская премия, у него огромные гонорары в твердой валюте, не говоря уж об оглушительной всемирной славе. И в сравнении с этим все благополучие и вся известность Катаева не стоят и гроша...”

Отметим еще высказывание отца Михаила о положении Церкви в СССР в 70-е годы: “Тогдашнее наше “священноначалие”, то бишь Московская Патриархия, было придатком советской власти, послушным орудием в кровавых большевических лапах”.

Приведем также рассказываемую им характеристику митрополита Евлогия, данную в беседе с ним епископом Григорием Граббе:

“У Евлогия был один существенный недостаток — для него было очень трудным говорить правду. Все время брехал...”

С точностью этого определе-

ния было бы затруднительно спорить.

В статье “Интеллигенция, история и революция”, В. Мау весьма субъективно определяет понятие “интеллигент”: “образованный разночинец, оторвавшийся от своего сословия или класса, не имеющий социальных корней”. И затем толкует об интеллигенции с бесконечным презрением, приходя к конечному выводу, что ей не надо бы “книжки почитать”, а следует в поте лица зарабатывать свой хлеб.

Да вот — кто создал нашу культуру, наши литературу, музыку, искусство? А без них, — что бы мы делали? И опять же, — прижали интеллигенцию и наступило в России серое бескультурье, коим гордиться не приходится.

Ю. Каграманов, в статье “Многоликий джинн” говорит много чепухи о Северном Кавказе, об Исламе, о войне с чеченцами. Но кое-какие проблески истины под его пером проскальзывают. Например: “в дореволюционный период русского господства лояльность мусульман в рамках империи обеспечивалась их подданническими отношениями к великому русскому царю”. Или: “Недостаточно преподать военный урок “неразумным хазарам” — надо еще суметь завоевать их души”. Царская-то Россия умела; а вот нынешняя...

С живым сочувствием прочли мы рецензию М. Адамович. “Лики и личины”, на книгу “The Russian Century. A Photographic History of Russia’s 100 Years. Brian Moynahan. Foreword by Yevgeny Yevtushenko, 1999.”

Фотографии в одной подобраны так, чтобы представить Россию — любую Россию, но в особенности царскую, — как “гиблое место”, где живет “темный народец, с червоточинной, порочный”. То, что Евтушенко участвует в подобной кампании, в распространении лжи о родной стране, — решительно не делает ему чести!

Целиком разделяем негодование автора рецензии.

Весьма отвратительна другая рецензия: К. Кобрин на книгу “В. Жуковский в воспоминаниях современников”. Рецензенту не нравится, что Жуковский был порядочным, благородным человеком, о чем свидетельствуют все его знавшие. Он во что бы то ни стало хочет найти “чертовщину, грешок”. И он цепляется за слова Вяземского о том, что Жуковский, вероятно, держал когда-то на коленях девочку, оказавшуюся впоследствии его суженой и ставшую его женой. Из этого он строит самые что ни на есть грязнопахостные предположения в стиле Набокова. Стыдно должно быть Кобрину, а не Жуковскому.

Другой книгой из той же серии воспоминаний, на этот раз о И. Виельгорском, Кобрин пользуется чтобы лягнуть царскую Россию. Нужно ли это в наши дни? Прежде, конечно, за это хорошо платили.

По поводу издания в РФ сочинений Поплавского, Кобрин пишет: “Кто-то любит Де Куинси — писателя, кто-то — торчка”. Что значит **торчек**? Мы такого жаргона не понимаем...

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

Т Р И Б У Н А Ч И Т А Т Е Л Я

НЕУДИВИТЕЛЬНО

В статье А. Бондаренко “О ветеране РОА” (“НС” № 2601-02) сказано, что клирики Московской Патриархии отказались отпевать ветерана РОА. В этом нет ничего удивительного. Советская церковь еще в 43-м году анафематствовала всех, “кто поднял оружие против “богоданного” вождя” — Сталина.

А. Громов (Германия)

НЕСПРАВЕДЛИВЫЕ ОБВИНЕНИЯ

Не понимаю нападков на Путина за катастрофу с “Курском”.

Катастрофы — всегда несчастие; но бывают везде. Крушения судов, хотя, слава Богу, обычно без человеческих жертв (но часто с тяжелыми экологическими последствиями) происходят каждый день. Об автомобильных что и говорить. А когда авария с аэропланом, то, как правило, целиком гибнут и пассажиры (иногда, много).

Виновны бывают строители, или экипаж, или — вовсе непредвидимые случайности. Так

или иначе, профессия моряка, тем более летчика, — конечно и подводника, — по самому своему предмету опасна.

За что же винить главу государства? Да еще и только что принявшего власть? У него, допустим, есть другие грехи или ошибки, — но тут он явно не при чем!

Расследования показывают что моряки на “Курске” погибли все сразу. Спасти их было все равно нельзя, какие бы меры ни предпринимались.

А что сообщения были сперва бестолковые, — вещь постоянно случающаяся. И даже если они умышленно искажались, — не столь уж тяжелое преступление.

А враждебность к Путину в известных иностранных кругах проистекает из страха, что при нем Россия укрепит и усилится. Орудием антипутинской пропаганды активно служит парижская “Русская Мысль”, — орган печати по преимуществу антирусский. Разделять чувства врагов нашей родины нам не к лицу!

Виктор Штремлер (Греция)

ОТ РЕДАКЦИИ: Даже если не считать Путина ответственным за гибель “Курска”, нельзя было не заметить его и его правительства пренебрежение к жертвам и их родственникам. Чего стоит лишь тот факт, что узнав о трагедии, Путин даже не прервал свои каникулы!

НЕВЕЖЕСТВО

Что Джон Глэд делает такое большое количество ошибок трактуя русскую историю (см. “НС” № 2603-04) — отнюдь не удивительно. Ведь даже об американской истории мало знают выпускники ведущих американских университетов — Гарварда, Принстона, Браунского и других.

Недавно газета “Нью Йорк Таймс” опубликовала 34 вопроса по американской истории, предложенные 556 выпускникам этих высших учебных заведений, из которых выходят президенты, сенаторы, ученые. Так вот, только 1 (один!) из 556 ответил правильно на все 34 вопроса. В среднем, представители американской интеллигентной элиты смогли

ответить всего лишь на половину вопросов.

А. Босоволков (США)

ЗАМАЛЧИВАНИЕ

Книжки аргентинского писателя Леонардо Каstellани (в частности его “Новое правление Санчо Пансы”) — замечательные! Читал с увлечением.

Курьезная деталь: во французских справочниках по истории латиноамериканской литературы (у меня их несколько, довольно подробных и доведенных до последнего времени) не упоминаются вовсе имена не только Каstellани, но например и поэта Лугонеса, на которого тот ссылается как на очень известного.

Г. Криваго (Италия)

ОТ РЕДАКЦИИ: Немудрено, что их замалчивают. Как Леонардо Каstellани, так и Леопольдо Лугонес не были чужды политической деятельности, а стояли они на позициях консервативного католичества и правого национализма.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

КОШТУНИЦА ЗА КОРОЛЯ

Нам пишут из Белграда:

Воислав Коштуница никогда не скрывал своих монархических убеждений. В ходе предвыборной кампании анти-социалистический кандидат неоднократно заявлял, как о своем национализме, так и о намерении восстановить монархию в Югославии. По его мнению, без института самодержавия, демократия неполноценна.

Придя к власти новый югославский президент со всей однозначностью дал понять, что не представляет себе Югославию без короля. Он заявил, что собирается организовать общенациональный референдум по вопросу о возвращении в Югославию королевского двора Карагеоргиевичей.

Надо отметить, что Югославия была монархией на протяжении столетий. До 1918 года страной правили сербские короли, а с 1918 по 1941 год — королевская династия Карагеоргиевичей. После войны коммунистический диктатор Иосип Броз Тито объявил монархию вне закона, после чего королевская семья вынуждена была эмигрировать в Великобританию.

Несколько месяцев назад в Белграде умер 72-летний брат последнего югославского монарха Петра Второго принц Томислав Карагеоргиевич, проведший большую часть своей жизни в изгнании и возвратившийся домой в 1991-м году. Сам Петр Второй скончался в 1970-м году в Лос Анжелесе. Одним из немногих ныне здравствующих отпрысков семьи Карагеоргиевичей остается кронпринц Александр Карагеоргиевич, сын последнего югославского короля Петра Второго. На всем протяжении правления Слободана Милошевича крон-принц являлся его ярким оппонентом. На днях он заявил журналистам, что полностью поддерживает нового лидера Югославии Воислава Коштуницу и мечтает вернуться на родину.

Несмотря на то, что вопрос о возвращении крон-принца в Югославию пока не решен, есть серьезные основания думать, что именно так и произойдет. Весь вопрос в том, в каком качестве вернется Александр Карагеоргиевич.

Воислав Коштуница, по всей видимости, считает восстано-

вление монархии возможным. Помимо подготовки к референдуму новый югославский лидер убежден, что отныне в белградском Белом дворце, где жил Милошевич должен поселиться крон-принц, а возможно — будущий король Югославии.

АРХИЕПИСКОП АНТОНИЙ

Нам пишут из Сан Франциско:

Здесь на 93-м году жизни скончался архиепископ Антоний (Медведев), ветеран Русского Корпуса на Балканах. Правящий иерарх Сан-Францисской и Западно-Американской епархии Русской Зарубежной Церкви родился в Вильне и учился в Крымском Кадетском Корпусе, с которым эвакуировался в Югославию.

В 1938 году был рукоположен во иеромонахи, а в 1941-ом назначен священником 1-го полка Русского Корпуса воевавшего сперва с титовскими партизанами, а затем и с частями Красной Армии. Отец Антоний пользовался большой любовью и уважением среди белых бойцов в силу своей исключительной храбрости.

В очерке "Четыре встречи на позициях", опубликованном во втором томе сборника "Русский Корпус на Балканах во время Второй Мировой войны" приведен следующий эпизод: "Рано утром 9 октября 1941 года,

после боя накануне вечером с красными партизанами Вука, нападшими на стоянку 1-ой роты и полуроты 2-й роты в руднике Столица, неожиданно прибыл к нам со своим псаломщиком иеромонах о. Антоний. Путь от Лозницы до Столицы пролегал по местности, которая кишела партизанами, и о. Антоний прошел его без всякой охраны, подвергая свою жизнь смертельной опасности. Партизаны вообще не церемонились со своими врагами, а со священниками и подавно — они их истязали, а затем убивали. А был и такой случай: надев священника на вертел зажаривали его на костре. Но о. Антония это никак не страшило. Он считал своим долгом быть среди нас, помолиться за убитых и утешить раненных".

Получая офицерское жалование и паек о. Антоний широко раздавал одно и другое.

В 1956 году архимандрит Антоний был хиротонисан во епископы и назначен в Австралию, где оставался до 1967 года. В 1968-м был назначен на Сан-Францисскую кафедру. В 1992 году, вместе с архиепископом Лавром, инкогнито посетил Россию.

КАДЕТЫ ВЫДАЮТ НАГРАДЫ СОВЕТЧИНЕ

Нам пишут из Нью Йорка:

Руководители местного Кадетского Объединения прису-

дили первую премию "Владемирского историко-литературного конкурса" насквозь пропитанному советчиной сочинению о Пушкине некоего Антона Картинкина, "старшего вице-сержанта" Московского Суворовского Военного Училища.

В сочинении, повторяющем все большевицкие штампы о якобы революционности Пушкина, в частности утверждается, что поэт "не отошел от праведной борьбы, не покорился идеям самодержавия", тогда как общеизвестно, что после этапы фрондерства своей юности, он именно признал необходимость монархии для России, а русскому царю "хвалу свободную слагал".

Антимонархический и антинаучный этот опус был опубликован в редактируемом А. Б. Иорданом журнале "Кадетская Переключка".

ЕЩЕ ОДИН ЗАХВАТ?

Нам пишут из Женевы:

Московская Патриархия пытается захватить принадлежащий Русской Зарубежной Церкви здешний православный храм. Настоятель храма и второй священник, совместно с десятком прихожан заявили о своем желании подчиниться патриарху Алексию Второму.

Епископ Амвросий (Кантакузен) предпринял ряд мер, чтобы не допустить захвата храма, но окончательный исход трудно предвидеть. Вероятнее всего он будет зависеть от той позиции, которую займут прихожане храма из православных швейцарцев.

УНИЧТОЖЕНИЕ ДОКУМЕНТОВ

Нам пишут из Владикавказа:

Здесь стало известно, что несколько лет назад, при апогее движения казачьего возрождения властями были уничтожены тысячи документов, до этого бывших в "спехране".

Подозревается, что в них были сведения о реквизициях и расстрелах, и доносы большевицких приспешников, по которым ссылали людей. Все эти сведения практически невозможно получить родственникам и наследникам пострадавших, не говоря уже о широкой общественности.

Уничтожение документов произошло в бытность Е. Примакова премьером, или еще раньше, когда он возглавлял чекистское ведомство.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

"БЫВШИЕ" — У ВЛАСТИ

В эти дни пытаются обрести тела моряков погибших на подводной лодке "Курск" в Баренцевом море. Вся Россия сопереживает родственникам экипажа затопленной лодки. Люди считают, что власти не только скрывали, а потом давали лживые данные об аварии, но и не сделали всего возможного для спасения 118 душ. Например, не обратились к развитым государствам за помощью. А на предложенную ими помощь не спешили давать согласие.

Стоит обсудить эту драму: как при случившемся должна была вести себя держава? "Моряков погубили ни за что", — сегодня часто приходится слышать такие слова. Простые люди испытывают ужас перед трагедией в море и стыд, в очередной раз, за наши власти.

Стыд испытываешь и читая подборку мнений о канонизации Царской Семьи, напечатанную в главной газете нашего города "Санкт-Петербургские Ведомости".

Но, конечно, это неудивительно. Главный редактор газеты О. Кузин был в прошлом работником обкома ВЛКСМ, а потом и обкома КПСС. В "новой" России "бывшие" до сих пор стоят у штурвала.

CG,

Н. Дьяченко

В первую годовщину смерти

НИНЫ ДМИТРИЕВНЫ САВИНСКОЙ

в Свято-Сергиевском храме буэносайресского пригорода Вижа Бажестер 11 ноября с. г. в 18 часов будет отслужена панихида.

О чем сообщает всем кто ее помнит, любящая ее семья.